

даже и неприлично, а вы-то в самую точку попадете, потому что пьет, мерзавец, горькую и слишком даже известен. Да и сам я вам откровенно признавался <...>, что психология эта о двух концах и что второй-то конец больше будет <...>, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего» (6, 349—350).

Порфирий прав, говоря о том, что «психология» в показаниях «мещанина в халате», вообще известному, по-видимому, лишь тем, что он горький пьяница, «его рылу даже и неприлична». И не только «психология».

Странно, например, что этот пьяница, «решившись сна» из-за того, что Раскольников оставили «втуне» после посещения старухиной квартиры, и «колокольчиков», и «крови» (об этом он упоминает дважды — 6, 275), вместо того, чтобы идти в квартал, предпринимает собственное расследование.

Странно, что, «решившись сна» и предприняв такое расследование, он приходит к Раскольникову отнюдь не утром, а где-то в середине дня, после свидания Раскольникова с родными и Соней, после долгих объяснений у Порфирия и с Порфирием (первая встреча убийцы и следователя). Из текста ясно, что Раскольников, до появления мещанина, опаздывал к матери и сестре на обед.

Странно, что, уже обвинив Раскольникова в убийстве и заметив реакцию героя, подтверждающую это обвинение, «мещанин в халате» опять-таки не спешит в «контору». Почему-то, решившись остаться без сна еще одну ночь, он приходит к Порфирию только на другое утро, чтобы как раз перед появлением Раскольникова (второе свидание его с Порфирием) рассказать следователю о своей «психологии» и тихо, беззвучно, решительно ничем себя не выдавая, посидеть у него за перегородкой в течение долгого собеседования-допроса.

Все эти (и не только эти) странности «рылу» «мещанина в халате» действительно «неприличны». Зато они в высшей степени приличны лицу Порфирия, который за неимением реальных свидетелей и улик вынужден вести с преступником исключительно психологическую войну.

Я полагаю, что «мещанин в халате» (по крайней мере, того, который приходил к Раскольникову один и другой раз) в действительности нет; полагаю, что в его роли и облике выступил сам Порфирий. Окончательный текст романа допускает и ту возможность, что под воротами старухиного дома этого мещанина тоже не было. Единственным обстоятельством, исключающим подобное допущение, была бы сцена, где Порфирий и мещанин оказались бы вместе. Но такой сцены мы не находим.

Исходя из совокупности всех относящихся к делу мотивов, правильнее, думается, предположить, что какой-то мещанин все-таки затесался в публику, глазевшую на прохожих у ворот известного дома, и потом настойчиво предлагал свести Раскольникова в «контору». О его внешнем виде сказано только, что он был «в халате». И все. Ничего «бабьего» в этом мещанине нет. Напротив. У ворот стояли и глазели на прохожих баба сама по себе и мещанин сам по себе — в подчеркнутой отдельности, без всякой связи друг с другом.

По-видимому, обидевшись на дворников, пренебрегших его советом («Видеши я <...>, что дворники с моих слов идти не хотят <...>, стало мне обидно, и сна решил...» — 6, 275), «мещанин в халате» пошел в «контору» без них или поздно вечером, или рано утром.

Когда тем же утром, но какое-то время спустя, Раскольников идет знакомиться с Порфирием, он думает: «Важнее всего, знает Порфирий иль не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был... и про кровь спрашивал? В один миг надо это узнать, с первого шагу, как войду, по лицу узнать; и-на-че... хоть пропаду, да узнаю!» (6, 190).

И далее, во время встречи: «Раскольников побожился бы, что он (Порфирий. — В. В.) ему подмигнул, черт знает для чего.

„Знает!“ — промелькнуло в нем как молния» (6, 193).